

Price in NYC 50¢, outside of NYC \$1

СТР.8-11

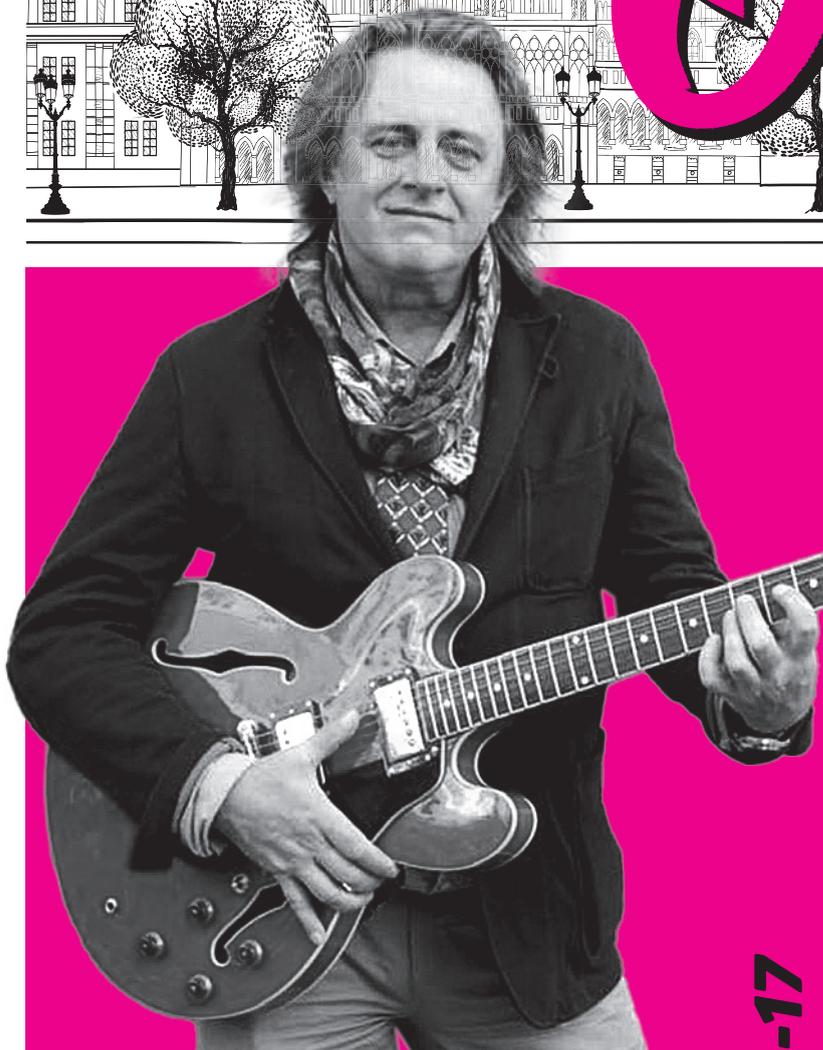
ГРАЖДАНИН НАЧАЛЬНИК

СОБЫТИЯ. МНЕНИЯ. ИСТОРИИ.

№9 (247)
МАРТ 2025

БУЛЬВАРНЫЕ НОВОСТИ

СТР.14-17

ТАМ, ЗА ТУМАНАМИ

СТР.4-7

БААДУР ЦУЛАДЗЕ, КИНО, ОДЕССА...

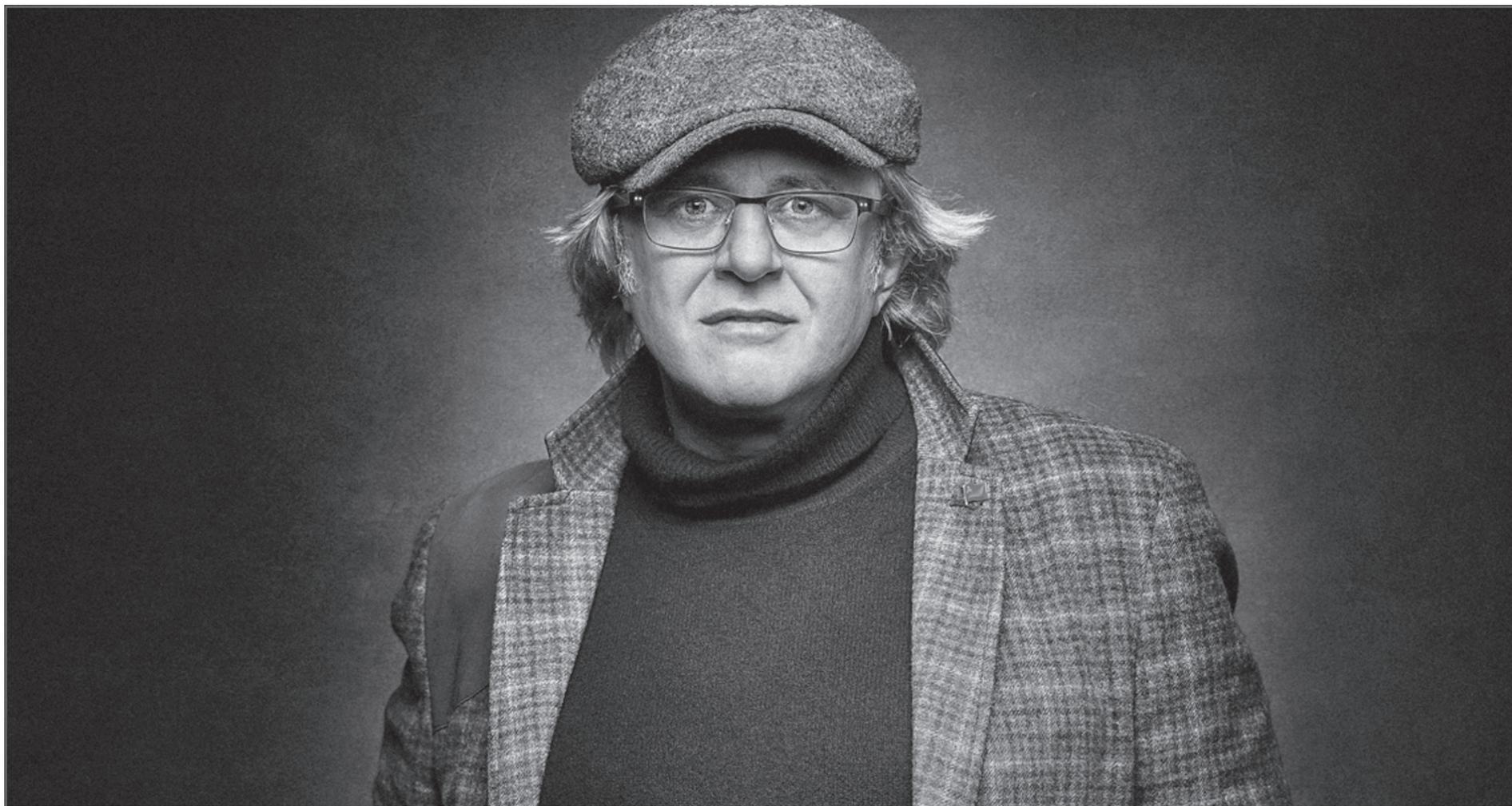
ТАМ, ЗА ТУМАНАМИ

У поэта Александра Шаганова редкая репутация: его никто не видел, но все знают его песни. Песни на его стихи узнаваемы с первых аккордов:

«Комбат», «Там, за туманами» стали его визитной карточкой, а «Про коня» и вовсе многие считают народной.

Благодаря его стихам, страна узнала Дмитрия Маликова, «Иванушек» и группу «Любэ». А песня «Улочки московские», кажется, существовала всегда - ее поют и народные артисты, и уличные музыканты.

Александр Шаганов - автор множества знаменитых хитов.

Геннадий Норд

- Ты знаешь историю любви родителей?

- Эта история очень непростая, потому что моя родная мама умерла, когда мне был всего годик. Я знаю её только по фотографиям. Папа остался со старшим братом и со мной, но через какое-то время он встретил семью, которая помогла ему обрести счастье. Я не думаю, что это была тотальная любовь, это просто было для него спасение. Но я безмерно благодарен своей второй маме за то, что она приняла двоих детей и воспитала их как родных, всем сердцем и заботой. Для меня моя сводная сестра - очень родной человек, я её называю министром иностранных дел. Потому что она мне всегда помогает.

- Когда ты узнал правду?

- Когда понял, что есть какая-то нестыковка в документах. А когда мне рассказали, то для меня это было некоторое испытание. Но за то количество добра, которое она сделала для нас с братом, я не мог подвести её своей нелюбовью.

- Сколько они прожили вместе?

- Девятнадцать лет, сначала из жизни ушла матушка, а через год не стало отца, я ещё был студентом.

Мне очень жаль, что они не смогли увидеть мои успехи, а я не мог им тогда помочь. Это было очень скоротечно, так как у детей войны не самый сильный организм, и на их долю выпало много всего. Я уже старше своего отца, но никогда не смогу стать таким же добродушным, умным, мудрым и сильным, каким был он.

- Чем занимался отец?

- У него была очень простая профессия, как он говорил - «по малярке». Он неплохо зарабатывал, дед тоже был маляром. Именно он за год до разрушения храма Христа Спасителя его отремонтировал. Малярная профессия и меня коснулась, когда мы в школе получали рабочие профессии, и мне даже выдали диплом маляра 2-го разряда.

- Родители знали о твоём увлечении поэзией?

- Я был смущён им показывать что-то, но мама видела черновики. На 16-летие моя родня пожелала мне удачи в моих начинаниях. Я тогда весь краской по-

крылся, но для меня это было очень важно. Папы не стало за месяц до того, как вышла первая пластинка с моей фамилией. Мне кажется, что его бы это очень сильно вдохновило.

- Когда появилась эстрада в твоей жизни?

- Когда я ступил на эту стезю, никакого шоу-бизнеса еще не было. Когда четырнадцатилетним мальчишкой я первый раз побывал на концерте группы «Песняры», то я влюбился. Тогда я и подумал, как же хорошо живётся артистам, ездешь на гастроли, встаёшь, когда захочешь. Поэтому и задумался о поэзии. А когда узнал, что поэт-песенник вообще на работу не ходит, то точно понял, что мне нужно в эту сферу.

- С чего началось увлечение поэзией?

- Книги. Меня вдохновлял мир книг. Это был некий романтизм, но когда я сочинял, а в то время было много песен о любви, я решил, что об этом я писать не буду. Если смотреть мои первые сочинения, то нигде не упоминается любовь. Может, именно это дало какую-то свою событийность.

- Ты ведь мог стать футболистом?

- Моя футбольная юность мне до сих пор вспоминается. Я играл с Пашей и Юрой Савичевыми, один из них стал олимпийским чемпионом, а другой тренирует команду в «Торпедо». Можно сказать, что это я размял и подготовил двух чемпионов.

- Расскажи про свою первую влюблённость.

- Я до сих пор испытываю чувство влюблённости. Например, еду по эскалатору и могу влюбиться во всех, кто мимо меня проезжает. Потому что я смотрю на мир восторженными, влюблёнными глазами. Это влюблённость на уровне детской симпатии. Были у меня подружки и одноклассницы, с некоторыми мы общаемся до сих пор. Можем порой встретиться и поужинать. Я сам приглашаю и проявляю инициативу.

- Свои первые стихи ты читал друзьям? Как они реагировали?

- Они поражались, потому что человек, который ни с того ни с сего начинает писать стихи, вызывает неподдельный

интерес. Это же удивительно, когда человек начинает рифмовать мысли. У нас был творческий круг общения. Конечно, кто-то мог покритиковать, кто-то, наоборот, поддержать, но в любом случае это вызывало удивление.

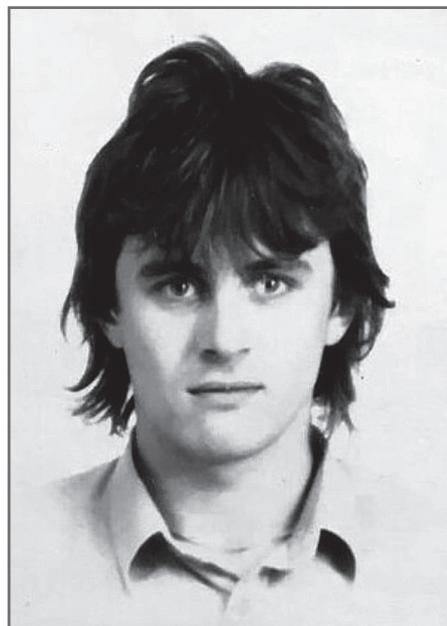
- Тебе отказывали в сотрудничестве?

- Кто отказывал, я с ними уже помирился. Когда Вячеслав Малезик был на пике своей славы, то я решил пойти к нему за советом, но он сказал, чтобы я проваливал. Через какое-то время он узнал про меня и вспомнил. Я считаю, что каждый поэт должен пройти через тех людей, которые ему откажут. Но потом на его пути всегда появится тот, который скажет, что в этом что-то есть. И тогда будет успех и удача, потому что из этого ручейка ты выливаешься в большую реку.

- А как ты пробивался к звёздам?

- Я приезжал на площадки к артистам за два или три часа до их выступления. Главное - деликатно подойти с хорошей улыбкой. И неважно к кому. А к большим артистам нужно подходить через его музыкантов.

- Песня «Владимирская Русь» с рок-группой «Чёрный кофе» стала твоим первым прорывом. Какой ты тогда за неё получил гонорар?

- Я был безумно счастлив, что выходит именно пластинка, и был уже всему рад. За текст я получил 250 рублей, что тогда было неплохо. А в сумме за две песни я получил 500 рублей. Но вся многомиллионная прибыль с этих пластинок досталась государству. И если бы я тогда правильно подписал договор, то с того тиража я мог получить намного больше. Но мы были наивными, и поэтому получилось, как получилось.

- Что купил на тот гонорар?

- Я их отложил для будущих накоплений. Я тогда ещё работал инженером и только мечтал уйти на вольные хлеба.

- А как ты начал работать с Маликовым?

- Нужно отдать должное отцу Маликова - он, будучи руководителем группы «Самоцветы», всегда держал ухо востро в поисках дарований. Видимо, я и попал в круг его интересов, и он нас познакомил. Для Димы я написал песню «До завтра». Его облик был очень ярким и красивым, и мне хотелось, чтобы он был не далёким принцем, а как пацан с нашего двора. Потом я написал ему ещё одиннадцать песен, с которыми он выступает до сих пор.

- А когда на горизонте появилась группа «Любэ»?

- Когда меня познакомили с «Любэ» у нас вообще не было денег. Хорошо, что у меня был товарищ Андрей, который помог нам со студией. Солиста потом нашли, но сначала мне было всё равно, кто им будет. Я не то, что не верил в успех, я просто не думал, что он будет такой ошеломляющий. После того как я написал все песни, я отнёс их Алле Борисовне, и только тогда она пригласила группу «Любэ» к себе в программу.

- Как ты познакомился с Пугачёвой?

- К тому времени я был уже умным и хитрым мальчиком. Если ты написал хотя бы одну хорошую песню, с тобой все хотят знакомиться, и от этого ты куда-то денешься. Мои музыканты как-то и передали мне, что со мной хочет познакомиться Алла. И я, испытывая робость, пошёл к ней. Но она оказалась очень доброжелательной. А когда она попросила меня написать ей песню, я сказал, что

С Игорем Матвиенко

С Аркадием Укупником

С Симоном Осиашвили

Окончание. Начало на с. 15

лучше вам в этом поможет Илья Резник. Мы с ней обменялись телефонами, и так началось наше общение. Спустя год я привёз ей записи «Любэ».

- А имидж для «Любэ» тоже придумала Алла Борисовна?

- Да, по её просьбе им подарили форму от «Мосфильма». И после этого десять лет Николай Расторгуев выходил на сцену в этой кольчуге. Это оказалось идеальным образом.

- Расскажи про первые сборы на программу «Песня года»?

- Накануне съёмки нас собирают и мне говорят:

- Саша, вам нужен костюм, потому что программа у нас серьёзная. Не вздумайте в джинсах приезжать.

А у меня ничего не было. Взял какие-то накопления и поехал с сестрой в магазин. А везде пустые прилавки. Мы нашли летний костюм бежевого цвета, ботинки были зимние, а галстук я взял старенький папин. Во всём этом и поехал.

- А как сложилось с Игорем Матвиенко?

- Мы жили по соседству, ему понадобилась помощь, и я одолжил ему денег до вечера. Мне сначала он не понравился своей задумчивостью, а я более экспрессивный. Вот в этой нашей беседе я понял, что он очень свойский.

- Какие книги ты любил читать в детстве? Какую музыку слушал?

- В детские годы я был заядлый книголюб, до сих пор бывая в библиотеках, испытываю душевный трепет. Эпохи, люди, судьбы зримо предстают с книжных полок. В чтении в большинстве своём предпочитал отечественную литературу. Из любимых авторов Чехов, Бунин. В сегодняшнем дне - Довлатов, Поляков.

Благодаря своему старшему брату, который по-юношески был настоящим меломаном, все музыкальные новинки

звучали в нашем доме. Так же, как и коллекция папиных грампластинок. Наверное, это был первый мой импульс к сочинению песенных стихов.

- Путь в поэзию был у тебя тернистым. Сначала футбол. Потом радиотехнический вуз, после чего работа в телефонной компании, которую ты оставил, не отработав положенных трёх лет. А в какой момент ты чётко осознал, что не зря стал писать?

- После песни «Владимирская Русь» в исполнении группы «Чёрный кофе». Автор музыки Дмитрий Варшавский. Успех был нешуточный. Многомиллионный тираж пластинки. Песня стала событийной для меня.

С Дмитрием Маликовым

- У тебя бывают периоды творческого застоя?

- Это входит в условия контракта с творческой профессией - и отсутствие вдохновения, и внутреннее опустошение.

Как однажды Андрей Вознесенский написал:

Я в кризисе, душа нема.

«Ни дня без строчки» -

друг мой точит.

А у меня ни дней,

ни строчек.

Отношусь к этим простоям спокойно. Переключаюсь на простое созерцание жизни. Я вообще очень любопытствующий персонаж. Мне интересна жизнь во всех её художественных проявлениях. Я коллекционер рассветов и закатов.

Очень позитивно в такие минуты проветриться путешествием - дальним или не очень. Даже просто прогуляться любимым маршрутом. Творческий тонус вернётся. Мне импонирует суждение нашего прекрасного графика Анатолия Зверева: «Художник, не гонись за славой. Она сама гонится за тобой!»

-Знаю, что у тебя живут несколько кошек и собак. Сколько у тебя питомцев и как они появились?

- Все они сами прибились к нашему подмосковному пристанищу. Наверно, думают, что я композитор Юрий Антонов. Три собаки, три кошки. Потешные, дружелюбные. На нашей улице все их знают и тоже заботятся, если я в отъезде. В общении с «братьями нашими меньшими» тоже есть обретение невероятной гармонии с окружающим миром. Любая бессонница проходит, вспоминая их.

- Ты последнее время начал писать картины и назвал это увлечение «визуальными стихами». Как это появилось в твоей жизни? Где можно увидеть твои работы?

- Это огромная радость, что в средней полосе жизненных цифр у меня появилось такое новое увлечение. На уровне страсти. Видимо, «недорисовал» в детстве. Я испытываю те же чувства от акварели, что и тот шестнадцатилетний подросток Саша Шаганов, что сочинял свои первые стихи.

Восторг от жизни, которую хочется воспеть. Словами мне, отчасти, это удалось. Теперь дело за красками. И свои работы я подписываю «поэт Шаганов». Тем самым обозначая, что это не творение профессионально живописца, а радость творчества, прежде всего!

Я даже лозунг сформулировал для сомневающийся: «Рисуйте, люди! Вы ничем не рискуете».

И очень рад, что нашёл отклик. Проходят выставки. Мои работы представлены для приобретения в таганской галерее в Товарищеском переулке.

- Ты несколько лет проводишь прогулки-экскурсии по Москве «Таганка, где я живу». Как пришла идея проводить такие прогулки?

- Когда-то эта идея была настолько случайна, что сродни озарению. Я даже опешил, когда её придумал на перегоне метро, между «Белорусской» и «Маяковской». В ту же секунду начал неконтролируемо улыбаться. Неужели она доселе никому не приходила в голову? Такая простая, в общем-то, и человеческая тема - сперва прогулка по любимым таганским улицам с моими личностными повествованиями о них, а далее по-своему пригласить всех к себе в творческий кабинет на дружеское чаепитие со стихами и песнями, угощением и общением. Следуя заветам Гиляровского, сделать это доверительно и с уважением, «по-московски».

Это же всё в природе нашей. И фотографии, чтобы остались на память у всех. И книги свои вручить. С автографом, пока никто не отказывался.

Я не ожидал такой нужности и себя, и наших «рандеву». Это тот случай, когда не хотелось расставаться спустя заявленное время, когда помнишь всех, кто был твоим гостем. Тут ироничность и задушевность наших бесед сплетаются. И ты понимаешь, что ты не один такой.

Я буквально помолодел сердцем и замедлил окисляться.

И дело не в количестве принявших участие, а в том особом настрое, который дарят мне выходные дни, когда и проходит «Таганка, где живу». Живу здесь не зря!

И главное: нам есть, что рассказать друг другу! И обойтись без телевизора.

*...на семи холмах
город песен моих,
на семи холмах
моей жизни вихрь!
Говори, Москва,
ты одна права,
все мы дети твои,
Москва.*

- Что для тебя Сила Красоты?

- Сила красоты в том, чтобы вдохновлять и утешать человека.

-Тебе самому какая песня ближе?

- «Дорогая моя столица, золотая моя Москва» Марка Лисянского. Сюда я бы ещё отнёс лиричные «Подмосковные вечера» Василия Соловьёва-Седова на слова Михаила Матусовского. Но у меня они не связаны с моей Москвой и с представлениями о ней. Их пели дед, отец. Эти мелодии как лейтмотивы эпох, они объединяют поколения.

Уже потом - музыкальные эталоны.

Так распорядилась судьба - сочинение песен стало моей профессией, и эти песни для меня ещё и мерило профессионализма.

- Детские впечатления от этих песен изменились сегодня?

- Не изменились. Я их слышал и со сцены, и дома за столом. И рад, что они возвращают к воспоминаниям детства - к лучшему периоду в жизни. Главное - эти мысли сохранить и вытащить в жизнь взрослую.

- Многие твои песни воспринимаются как народные, их тоже поют за столом. Например, «Про коня» - «Выйду ночью в поле с конём...» В чём секрет?

- «Стихи не пишутся - случаются, как чувство или же рассвет». Это Андрей Вознесенский. Один из моих любимых поэтов. Секрет «народности» - просто настроение. А чтобы попасть в такое настроение, наверное, надо не суетиться. Жизнь, к сожалению, штука очень суетная. Если же найти минуты и увидеть мир вокруг - разглядеть, как распускаются листья на ветках; заметить, что пришло лето или рассвет, то можно надеяться, что из этого-то и получатся стихи.

- Откуда такая тяга к сельской идиллии?

- Мои корни из Владимирской области. Но судьба странная штука - родился я во Владимире на улице Юных ленинцев, а рос в Москве на улице Юных ленинцев. Гордился этим. Видел в этом некий гражданский символ.

Мне за себя того не неловко и не стыдно. Такое отношение к жизни и месту жительства, безотносительно Ленина, мне помогло, как теперь понимаю, кое-чего добиться в этой жизни и в этом городе.

Я хотел соответствовать, и рос отличником, жутко ответственным. Это уж позже превратился в поэта-раздолья. Но ведь и юных ленинцев больше нет. А улица, кстати, не переименована.

Иногда, когда не в настроении, подъезжаю к тому дому, где рос до шести лет, и радуюсь, что улицу не переименовали, пятиэтажку-«хрущобу» пока не тронули. Это часть моей Москвы, ещё уцелевшей, с уходящим бытом и светом за окном, где ждала мама.

- Дольше всего из песен про столицу живут песни пафосные. Чем ты это объяснишь?

- Понять, как и почему от песни мягчают нравы и теплеют сердца, невозможно, да и не нужно. Есть большие песни, а есть - «сегодня в газете, завтра в куплете». Отклик сочиняющей братии на события был, есть и будет. Просто

что-то останется достоянием семьи, что-то - архива, а вот хиты - уже истории. Что большое, а что эрзац, проверяется временем. Вот оно и доказало, что Марк Лисянский, Михаил Матусовский, могут мыслить настроением общества.

- Когда у тебя появилось желание написать свою песню о Москве?

- Всегда хотелось показать город не витринный, а скрытый от приезжих глаз. Так появились «Улочки московские». Песню спела группа «Любэ», и она зажила. Мне хотелось, чтобы она была узнаваема через быт. И перечисление улиц - не ради рифмы. Все они связаны со мной, моими друзьями, той Москвой, которую знают мало.

Я люблю город летом, когда пол-Москвы уезжает на дачи и в отпуска, а другая половина сидит в кафе - тихих, клубных с окнами на улицу. Мне кажется, что в эти часы время в Камергерском, на Петровке, Остоженке, Таганке и в их переулках будто замирает. Вот этот уклад неторопливой московской жизни не меняют ни революции, ни перестройки, ни глобализации.

- Это под каким же микроскопом ты рассмотрел этот уклад?

- Микроскопом? Он больше, чем ты думаешь. Я человек хотя и известный, но практически неизвестный. Могу себе позволить ходить в обычные кафе и ресторанчики. Так вот вечерами свободных мест в них часто не бывает. Уже не раз, как в конце 70-х, в 80-е мне с друзьями приходилось постоять даже в очереди, прежде чем попасть в кафе.

- Так, может, просто мест для встреч, как и раньше, катастрофически мало?

- Я по-другому на это дело смотрю. Обрати внимание: сегодня мода на 80-е. «Дискотеки-80-х» в той же поп-музыке - это только внешне. Если в глубину посмотреть, то мы возвращаемся к тому, отчего поторопились отказать, - к лирике. Без этого невозможно двигаться вперёд.

Мне кажется, это символично для всех эпох. Это стержень народного настроения. Его надо просто почувствовать и передать это настроение в песне.

- Сочиняя песню, можешь просчитать её будущее, станет она шлягером?

- На сто процентов - нет, хотя какие-то моменты, да, чувствую.

